

Игорь ЯГУТОВ

ЖОРИК

(история детства)

Игорь Ягупов
Жорик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23300505

Аннотация

История мальчика, которого никто не любил...

Содержание

1	5
2	12
3	15
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Я закрываю глаза и вижу перед собой город у моря. С высоты он кажется игрушечным, сложенным из кусочков разноцветных стеклышек, камешков и ракушек. Город приближается, я начинаю различать качающиеся на легком ветру кроны деревьев, отблески солнца в оконных стеклах, движение машин на улицах.

Мой взгляд проносится над городским садом, густо заросшим старыми разлапистыми липами. Как бы я хотел остаться здесь, пройти по тенистым аллеям, посидеть на скамейке, откинувшись на ее покатую деревянную спинку, послушать неумный шум фонтана. Но я продолжаю движение.

Сад остается позади, и я углубляюсь в лабиринты узких улочек старого городского центра. Я опускаюсь все ниже и ниже, почти задевая крыши массивных купеческих домов. Солнце где-то за моей спиной тускнеет. Я не могу обернуться, но понимаю, что оно просто сваливается за горизонт.

Внезапно накатывают вечерние сумерки. Так стремительно они наступают только на юге. Как будто солнце поскорее стремится сбежать отсюда, ища спасение от нагнанной им же самим жары.

Тьма сгущается, мой взгляд продолжает неуклонное движение вниз, и в следующее мгновение я, словно в узкую из-

вилистую траншею, ныряю в сырое и темное пространство улицы.

Здесь я вижу женщину, которая тащит за руку маленького мальчика в нелепых черепаховых очках. Мальчик упирается, его сандалии шаркают по шершавому, как пемза, тротуару.

– Я не хочу к врачу, – ноет мальчик, – не хочу.

– Жорик, замолчи! – не оборачиваясь громко произносит, почти кричит женщина.

– Мама, зачем опять к врачу? – гундосит Жорик.

– Он светило! – многозначительно произносит мама, убеждая сына и, как кажется, саму себя.

– Мы же были у Васильевой, – пытается возразить Жорик.

– Причем здесь Васильева? – возмущается мама. – То поликлиника, а это частный врач. Его хвалят. Он посмотрит, скажет.

– Что скажет? – хнычет Жорик.

Но мама уже не слушает его. Она поглощена поисками дома частнопрактикующего лекаря. Редкие фонари отгорожены от улицы, как тяжелыми портьерами, густыми кронами деревьев, а потому светят больше в небо, чем на тротуар. И на улице стоит почти полнейший мрак. Крыльца купеческих особняков до ужаса похожи одно на другое. А различить привинченные к стенам таблички с номерами домов почти невозможно.

– Да где же это? – не выдерживает мама.

– Пойдем домой, – предпринимает Жорик последнюю по-

пытку избавиться от ненавистного визита к врачу.

– Мы записаны! – уже почти кричит мама.

– Нас вычеркнул, – с надеждой огрызается Жорик.

– Это дорого стоит, – говорит мама, изо всех сил пытаюсь успокоиться.

Жорик испепеляет ее непонимающим взглядом.

– Дело не в деньгах, просто ты должен ценить мою заботу, – исправляет свою ошибку мама. – Я одна тебя воспитываю.

– А бабушка? – возражает Жорик.

– Не отвлекай меня, – снова вскрикивает мама и дергает сына за руку. – Вот, это здесь. Я же приходила сюда записываться.

На звонок в дверь отзывается пожилая дама в белом халате. Она смотрит на стоящих на пару ступенек ниже посетителей сверху вниз сквозь толстые линзы очков.

– Мы записаны на семь тридцать, – говорит мама.

– Проходите, – говорит женщина в халате, отступая и давая проход визитерам.

– Я не хочу, – начинает плакать Жорик.

– Исаак Абрамович не любит нервных детей, – морщится пожилая дама.

– Да, конечно, – бормочет мама.

– Успокойте его, – уточняет дама в халате, кивнув в сторону Жорика.

– Да, конечно, – повторяет мама и крепко, почти до боли

сжимает руку сына.

В полной безысходности Жорик по каменным ступенькам поднимается в небольшую комнату с письменным столом и несколькими обитыми темно-вишневым дерматином стульями. С высоченного потолка свешивается на длинном стальном стержне светящийся шар из матового стекла. Он заливает комнату почти мертвенным светом.

– Давай уйдем? – просит Жорик маму.

– Садись! – огрызается та, силой усаживая сына на дерматиновый стул.

И тут Жорик начинает реветь. Мама пытается его успокоить, но безуспешно.

– У Исаака Абрамовича пациент, – шипит пожилая дама в белом халате. – Тише.

От этого «тише» Жорик начинает вопить еще громче. Пожилая дама дает ему стакан воды. Зубы Жорика клацают о стекло, когда он пьет.

– Я тебя убью! – зловеще произносит мама.

Жорик все еще дергается и икает от душащих его слез.

– Я не пойду к врачу, – снова и снова повторяет он.

– Пойдешь, – огрызается мама.

Тут дверь, которая ведет вглубь дома, распахивается. Из нее выходит молодая женщина. Она ведет за руку девочку, которая выглядит ровесницей Жорика. Девочка смотрит на его красное и мокрое от слез лицо с удивлением.

– Это ты тут плакал? – приветливо обращается к Жорику

молодая женщина.

Жорик упрямо молчит.

– Он, – заискивающим тоном говорит мама и, обращаясь уже к Жорику, добавляет: – Видишь, какие нормальные дети бывают?

Она имеет в виду вышедшую от врача девочку. Жорик уже готов снова зарыдать. Но пожилая дама в белом халате приглашает их с мамой пройти в кабинет.

Мама почти силой втаскивает Жорика в большую комнату с массивным столом, несколькими креслами и кушеткой. Помимо свешивающихся с потолка двух стеклянных шаров, комната освещена еще и настольной лампой, яркий луч которой из-под зеленого абажура бьет Жорику прямо в глаза.

Жорик щурится, моргает, но никак не может рассмотреть сидящего за столом доктора. Он видит лишь объемную расплывшуюся тень, которая, как кажется, наваливается на него.

– На что жалуется мальчик? – спрашивает доктор маму.

– Ангины постоянные, – почему-то извиняющимся тоном начинает объяснять мама. – Мы проверялись в поликлинике. Говорят, что шумы в сердце. И еще, доктор, руки у него периодически ватные.

– Ватные? – равнодушным тоном переспрашивает доктор.

– Да, – подтверждает мама, – периодически. Все из них выпадает, не может даже пуговицы на рубашке застегнуть.

– Давайте посмотрим, – говорит доктор. – Разденьте маль-

чика до пояса.

– Я не хочу! – вновь начинает рыдать Жорик, извиваясь в маминых руках.

Но мама цепко хватается его, расстегивает пуговицы на рубашке и снимает ее.

– Простите, ради бога, – извиняется она перед доктором, который за это время успевает встать из-за стола, обойти его и, заслоня своей фигурой яркий свет лампы, подойти прямо к Жорику. Теперь Жорик может его рассмотреть. Это пожилой тучный мужчина с залысинами. Жорик начинает рыдать с удвоенной силой.

– Видите, доктор? – обращается к доктору мама, ища сочувствия. – Как быть? Такого вот бог послал.

Но доктор ничего не говорит в ответ. Он молча протягивает к Жорику руку и прислоняет к его груди ледяную сталь стетоскопа. Жорик вздрагивает и затихает. Они понимают бессмысленность дальнейшего сопротивления. Доктор переставляет стетоскоп в другую точку, затем в третью. Каждый раз Жорик дергается, как от удара током.

– Поверните его спиной, – говорит доктор маме.

Он тщательно выслушивает Жорикову спину, периодически качая головой. Жорик чувствует это движение по тому, как дергаются трубки стетоскопа.

– Да, шумы есть, – произносит доктор.

– И руки ватные, – напоминает мама.

– Нервный ребенок, – неодобрительно качает головой

доктор.

Жорик уже опять готов расплакаться, когда мама начинает напаяливать на него рубашку. Жорик отвлекается на этот процесс и немного успокаивается. Доктор тем временем возвращается за свой стол, отчего яркий луч лампы вновь бьет Жорику прямо в лицо.

Доктор что-то долго пишет на листе бумаги, потом отдает написанное маме.

– Нужно успокаивать нервы, – говорит он. – Иначе мальчику будет тяжело.

Поняв, что пытка закончилась, Жорик выскакивает из кабинета, мама выходит вслед за ним, обменявшись с доктором несколькими фразами, из которых Жорик улавливает лишь докторское «спокойная обстановка» и мамино «мы все для него делаем».

Спустя минуту Жорик и мама вновь оказываются на улице, где темнота, как кажется, сгустилась еще больше. Мама берет Жорика за руку. Всю дорогу домой они проходят молча.

Душный летний день. Солнце уже спустилось пониже к горизонту, отгородившись от улиц густой зеленью деревьев. Асфальт и панельные стены домов устало отдают накопленный жар. Жорик едет на велосипеде по двору. Сзади его сопровождает бабушка. Жорик горд и счастлив: такому велику, который купила ему вчера мама, можно только позавидовать. Он с трудом скручивает педали трехколесной машины.

– Не разгоняйся! – окрикает его периодически бабушка, которую клонит в сон расслабляющая послеобеденная жара.

Но Жорик не может сдерживать свою радость от новой лайбы, а потому без усталости налегает на педали. Жаль, что некому продемонстрировать возможности железного коня.

И тут Жорику улыбается удача. Впереди, прямо по курсу своего движения он видит стайку мальчишек постарше него самого. Они с явной завистью смотрят на приближающийся к ним велосипед. Жорик оглядывается назад, чтобы проверить, не сильно ли отстала бабушка, и прибавляет скорость.

С чувством собственного достоинства, внешне не обращая на них внимания, но пристально следя за мальчишками краешком глаза, он на полном ходу равняется с ними. Жорик на вершине блаженства.

– Восьмерка, – вдруг брезгливо произносит один из мальчишек, тыкая пальцем в велосипед Жорика.

– Гы, гы, гы, – хохочут остальные.

Точно оплеванный, Жорик проезжает мимо, чувствуя, как к его горлу подкатывает ком. Сдерживая слезы, он еще несколько раз жмет на педали. Но ноги уже не слушаются его. Они, как и его руки, становятся ватными. Жорик останавливается. Он слышит, как мальчишки за его спиной все еще продолжают хохотать.

– Что такое, внучек? – спрашивает Жорика нагнавшая его бабушка.

– Восьмерка, – шепчет Жорик.

– Что за восьмерка? – не понимает бабушка.

– Не знаю, – хнычет Жорик. – Мальчишки сказали, что на велосипеде восьмерка.

– На колесе, что ли? – уточняет бабушка.

– Я не знаю, – уже в полный голос рыдает Жорик. – Они сказали, что восьмерка.

– Они идиоты, – констатирует бабушка. – От идиотов рожденные. Поехали дальше.

Но Жорик не может: руки и ноги у него словно чужие, и он лишь беспомощно корчится, стараясь сдвинуть велосипед с места.

– Что, опять? – обреченно спрашивает бабушка.

– Ага, – кивает Жорик.

– Вот беда, – качает головой бабушка. – Из говна ты у нас

пуля.

От этих слов Жорик начинает рыдать еще сильнее.

– Слезай, – командует бабушка. – Иди помаленьку пешком. А я велосипед покачу. Давай. Нагулялись.

Осенью бабушка идет работать в заводской медпункт, откуда два года назад вышла на пенсию.

– Денежки лишними не будут, – приговаривает она.

Жорику нанимают няню – бабушку Лиду. От нее исходит уютный стариковский запах, а сама она именно такая, какой и должна быть настоящая бабушка, – толстая и добрая.

Медпункт, где работает его собственная бабушка, находится где-то далеко-далеко, на заводе имени Ильича. Жорик никогда не бывал в том районе и даже не представляет, как туда можно добраться.

– Хочешь – съездим и посмотрим? – в один прекрасный день неожиданно предлагает бабушка Лида. – Проедемся на новом автобусе.

Жорик счастлив. Совсем недавно в городе появились новые, ранее невиданные желтые автобусы-гармошки компании «Икарус». Но ездить на них Жорику было решительно некуда. И теперь повод нашелся.

– Мы не заблудимся на Ильича? – интересуется он на всякий случай у бабушки Лиды.

– А мы и выходить не будем, – заговорщически сообщает та. – До конечной и обратно домой.

– Ладно, – радостно кивает Жорик.

И вот они с бабушкой Лидой садятся на длиннющий автобус и едут на нем через весь город. Жорик никогда не думал, что он такой большой. Но даже и большой город заканчивается.

– Вылезайте, – мрачно требует водитель, выйдя из своей кабины. – Конечная.

– А мы по кругу, – отвечает бабушка Лида.

Водитель багровеет от ненависти к назойливым пассажирам. Наверное, ему жалко, что кто-то ездит так долго в его новеньком автобусе. И Жорик чувствует, что его руки начинают покалывать, словно кто-то одновременно втыкает в них множество крошечных острых иголок.

– Талончики новые пробейте! – бурчит водитель и уходит обратно в свою кабину, отгороженную от остального салона стеклянной ширмой.

– Обязательно, – доброжелательно кивает ему вслед бабушка Лида.

Пользуясь тем, что автобус абсолютно пуст, они с Жориком пересаживаются на лучшие места, прямо за кабиной водителя. По пути бабушка Лида, как и обещала, пробивает в компостере два новых талончика. И они с Жориком едут весь долгий путь обратно.

Но радости этого дня на этом не заканчиваются. После поездки бабушка Лида ведет Жорика к себе домой. Они с дедом Гришей живут неподалеку, но Жорик бывает у них нечасто.

Сейчас он скачет вокруг бабушки Лиды от счастья. Во дворе, возле гаража он видит выброшенный старый «титан» – огромный черный бак, в котором на газе греют воду. Жорик подбегает к нему и пинает изо всех сил ногой. Неожиданно из недр «титана» вылетает клок саж. Подхваченный легким ветерком, он, поднимаясь все выше и выше, улетает в сторону соседского дома. Воображению Жорика и бабушки Лиды нет предела.

– Он обязательно влетит кому-нибудь в окно, – цокает языком старушка.

– Влетит, все испачкает и полетит себе дальше, – радостно подхватывает Жорик. – И будет так летать, летать...

– И зачем ты пинал этот «титан»! – это опять бабушка Лида.

– Полетит, может быть, куда-нибудь далеко-далеко, в другой город. И будет всех пачкать по пути, – не успокаивается Жорик.

Но тут они приходят к бабушке Лиде. Дед Гриша угощает Жорика конфетой «Куручка Ряба». Он, как обычно, дает ему только одну конфетку. Но Жорик знает, что в следующий визит его снова угостят. Коробка с конфетами ждет его на шифоньере рядом с подкарауливающей Новый год пластмассовой елочкой, которая наряжена шариками и укрыта ватным снегом.

Жорика кормят обедом, затем они с дедом Гришей садятся играть в шахматы. Когда-то дед Гриша объяснил Жори-

ку, как ходят фигурки. Однажды он даже хотел отдать ему свой шахматный набор, но мама Жорика наотрез отказалась принимать такой подарок и сама купила ему шахматы. Она предложила брать их с собой, когда он идет к деду Грише. Но Жорик никогда этого не делает. Передвигать фигурки на потертой от времени доске деда Гриши куда интереснее.

По вечерам Жорик любит посидеть с мамой на скамейке возле подъезда. Людей здесь всегда собирается много. И даже сейчас, когда утомленный долгим летним днем город накрыла тьма, скамейки не пустуют.

На одной из них, в самом уголке примостилась Надежда Васильевна – пенсионерка с первого этажа. Напротив нее, откинувшись назад и раскинув руки в стороны, на спинку, чтобы не мешать своему огромному животу, сидит дядя Ленья из семнадцатой квартиры.

Жорик доволен. Они привык сидеть со взрослыми, слушая их непонятные разговоры. Но тут из подъезда выходит Валька. Эта девчонка живет на третьем этаже. У нее длинные рыжие волосы и зеленые глаза. Жорик тушует, когда она смотрит на него. Она уже почти взрослая, может быть, даже уже где-то работает. Но Жорик не может назвать ее тетей. Она не похожа на взрослых женщин, которых он знает.

Валька здороваается и присаживается на скамейку прямо рядом с Жориком. Жорик съеживается, боясь нечаянно коснуться Вальки. Он недоволен. Приятный вечер можно считать испорченным. Напряжение растет. Валька о чем-то разговаривает с дядей Леней. Но Жорик ничего не слышит. Его сердце от волнения так сильно бьется в груди, что в голове

стоит неумолчный, как шум морского прибоя, гул.

Ситуацию разряжает вышедший из подъезда Сергей Павлович.

– Вечер добрый, народ, – приветствует он соседей.

– В ночную, сталевар? – уважительно спрашивает его дядя Лёня.

Сам он работает начальником участка на прокатном стане. Работа непростая. Но все-таки сидеть в каптерке с видом на вальцовочные барабаны и стоять у разверстой пасти мартеновской печи – это совсем ни одно и то же. Рабочий люд дядя Лёня искренне уважает, понимая, что на таких именно простых мужиках держится вся огромная страна.

– К печке, куда же еще, – бурчит Сергей Павлович хриловатым голосом закоренелого курильщика и, надсадно закашлявшись, достает из кармана широких парусиновых брюк мятую пачку «Беломора».

– погоди, Серега, на, возьми слабенькую на дорожку, – суетится дядя Лёня, вставая со скамейки и протягивая Сергею Павловичу пачку «Столичных». Бери, бери. Сейчас я тебе огонька дам.

– С фильтром, – то ли одобрительно, то ли пренебрежительно хмыкает Сергей Павлович, с трудом доставая заскобленными пальцами сигарету из жесткой картонной пачки.

– На дорожку самое то, – кивает дядя Лёня, щелкая бензиновой зажигалкой в виде маленького пистолетика. – Как раз пока до автобуса дойдешь.

Жорик вспоминает, как прошлой осенью они с бабушкой Лидой ездили на автобусе на завод Ильича. Сергей Павлович тем временем закуривает и вновь заходится удушливым кашлем, кивая дяде Лене в знак благодарности.

– Что, пошел? – спрашивает дядя Леня.

– Время, – вздыхает Сергей Павлович.

Когда он поворачивается, его сутулость становится особенно заметной. Подкрахмаленная бежевая рубашка стоит на спине пузырем, зрительно превращая его практически в горбуна. Несмотря на свою худую, почти тщедушную фигуру, он идет тяжело, с видимым трудом переставляя ноги, обутые в не по-летнему тяжелые осенние туфли.

– Пошел Серега работать, – выдыхает дядя Леня и, проводив Сергея Павловича долгим взглядом, вновь переключает свое внимание на зеленоглазую Вальку.

Стараясь не задеть девушку, Жорик все сильнее жметя к маминому боку.

– Ты чего, боишься меня? – неожиданно фыркает над его ухом Валька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.